

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11006

БОРЬБА С РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ И АТЕИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на примере Кустанайской губернии)

Сергей Владимирович Самаркин^{1✉}, Александр Валерьянович Видершпан²

^{1,2} Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан.

¹ ssamarra@mail.ru[✉], ORCID 0000-0002-0451-6800

² 0571@mail.ru, ORCID 0000-0001-8770-3179

Аннотация. В статье показано как на основе общетеоретических и общеметодологических взглядов марксистов на религию осуществлялась политика советского государства в области религии в Кустанайском регионе. В работе обосновывается отрицательное отношение к религии коммунистов как к социальному институту эксплуататорского общества. Раскрывается противоречивая политика и практика в отношении религии на примере деятельности советских органов власти в Кустанайском уезде в 1920-е годы. Авторы рассматривают антирелигиозную пропаганду в печати, деятельности общественных организаций, политических структур, идеологической работе и культурной жизни. Показан механизм перехода к политике репрессий против духовенства и верующих, рассматривается разница в подходах к православной религии и исламу.

Ключевые слова: религия, антирелигиозная агитация, атеизация населения, антиклерикализм, проявления религиозности, ислам, православие, культурная жизнь, общественная организация, идеальное, материальное

Для цитирования: Самаркин С. В., Видершпан А. В. Борьба с религиозностью и атеизация населения в первые годы советской власти (на примере Кустанайской губернии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10 (468). Философские науки. Вып. 66. С. 46—53. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11006.

Original article

THE FIGHT AGAINST THE RELIGIOSITY AND ATHEIZATION OF THE POPULATION IN THE EARLY YEARS OF SOVIET STATE (on the example of the Kustanai province)

Sergey V. Samarkin^{1✉}, Alexander V. Vidershpan²

^{1,2} Kostanay branch of Chelyabinsk State University, Kostanay, Kazakhstan.

¹ ssamarra@mail.ru[✉], ORCID 0000-0002-0451-6800

² 0571@mail.ru, ORCID 0000-0001-8770-3179

Abstract. The article shows how the policy of the Soviet state in the field of religion in the Kustanai region was carried out on the basis of the general theoretical and general methodological views of the Marxists on religion. The paper substantiates the negative attitude towards the religion of the communists as a social institution of an exploitative society. The controversial policy and practice regarding religion is revealed on the example of the activities of the Soviet authorities in the Kustanai district in the 1920s. The authors consider anti-religious propaganda in the press, activities of public organizations, political structures, ideological work and cultural life. The mechanism of transition to the policy of repressions against the clergy and believers is shown, the difference in approaches to the Orthodox religion and Islam is considered.

Keywords: religion, anti-religious agitation, atheization of the population, anti-clericalism, manifestations of religiosity, Islam, Orthodoxy, cultural life, public organization, ideal, material

For citation: Samarkin SV, Vidershpan AV. The fight against religiosity and atheization of the population in the early years of soviet state (on the example of the Kustanai province). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(10(468):46-53. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11006.

Введение

Отношение к религии в Советском государстве складывалось исходя из самой сути марксистской философии — диалектического материализма. В основе такой мировоззренческой позиции лежит безусловное признание первичности материального мира, который развивается по законам диалектики, (то есть через преодоление противоречий) и вторичности мира идеального. Карл Маркс определял идеальное следующим образом: «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1, с. 19]. Таким образом, в философии марксизма идеальное лишалось самостоятельности и становилось функцией материального.

Религия, основанная на вере в ведущую роль идеального священного начала была абсолютным антагонистом марксистского диалектического материализма. Безусловно, последователями коммунизма она воспринималась как открытый соперник в идеологической борьбе за сознание народных масс. Это противостояние из теоретической плоскости перешло в практическую область с приходом к власти коммунистов и созданием Советского государства.

Идеологическое обоснование антирелигиозной пропаганды

Религия рассматривается марксистами как социальный институт, основанный на поклонении сверхъестественному — идеальному. В понимании её сущности они отталкивались от идей Л. Фейербаха, который утверждал: «Истинный смысл теологии — антропология» [2, с. 224]. Исходя из этого, Л. Фейербах раскрывает антропологические и психологические основания религии, что позволило ему сверхчеловеческую сущность Бога представить как антропологическую сущность человека.

В концепции Л. Фейербаха сущность человека составляют разум, воля и чувства, именно их человек объективирует в образе Бога. Однако, бесконечный Бог наделён бесконечным разумом, абсолютной волей и безграничным чувством любви. В основе религии лежит чувство зависимости, концентрированным выражением которого является страх [3, с. 421]

Будучи существом общественным, человек объективирует и общественные силы, отличные от сил природы, так появляется религия личностного

Бога, отличающаяся от естественных религий. Именно этот аспект понимания религии получает наибольшее развитие в марксизме.

Самое известное высказывание К. Маркса о религии звучит так: «Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [4]. Это утверждение объясняется рядом других положений. Человек создаёт религию, но религия не создаёт человека. Поскольку человек существо социальное, то и религию создаёт не отдельный человек, а человек общественный. Религия выступает формой отчуждения, наряду с государством и экономикой. Религиозное отчуждение, в отличие от экономического, — форма внутреннего, а не внешнего отчуждения. Но и та и другая формы отчуждения должны быть преодолены. Это обусловлено тем, что «...религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества» [4].

Из таких посылок К. Маркс делает логичный и жёсткий вывод: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своём положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той доли плача, священным ореолом которой является религия» [4].

Марксизм теоретически, уже в трудах своего основателя — К. Маркса, сформулировал отношение к религии, как к социально вредному явлению человеческого бытия, которое отвлекает человека на иллюзорные цели от борьбы за счастье в реальной жизни.

Подобное отношение к религии закрепилось и у последователей К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленин ещё в 1905 году определил отношение к религии российской социал-демократии. В статье «Социализм и религия» он писал: «Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит

смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие» [5].

В другой статье, опираясь на знаменитую цитату К. Маркса, В. И. Ленин развил данное положение следующей идеей: «Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса» [6].

Из этих теоретических положений В. И. Ленин делает практические выводы: «Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией» [6].

Однако сам В. И. Ленин считал, что эта борьба не должна ограничиваться просветительством или прямыми гонениями на религию. По его мнению, в первую очередь необходимо было уничтожить социальные корни религии — невыносимые условия существования трудящихся классов, порождаемые эксплуатацией человека человеком. К сожалению, многие марксисты 20-х годов XX века восприняли тезис о борьбе с религией в духе вульгарного материализма, и начались прямые гонения на церковь. В это время появляется всесоюзная общественная организация «Союз безбожников», которая издавала целый ряд периодических газет и журналов антирелигиозной и антиклерикальной направленности, таких как газета «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Деревенский безбожник», «Юные безбожник» и другие. К борьбе с религией подключились другие общественные организации — комсомол, пионерия, профессиональные союзы и женские советы. Проводились репрессии против духовенства и верующих на государственном уровне.

Процесс антирелигиозной пропаганды и атеизации общества начался с внешних и внутренних изменений в жизни общества — перевода обязательной регистрации рождения, бракосочетания в

гражданские ведомства, введения нового календаря, повальной ликвидации безграмотности.

К антирелигиозной агитации привлекалась пресса как общесоветского уровня, типа газеты «Безбожник», так и местные издания. В кустанайском регионе к таковым относились печатные органы как на русском — «Степь», «Красная степь», «Степной крестьянин», так и казахском языках — «Аул».

Формы антирелигиозной пропаганды

Материалы антирелигиозного характера нередко приобретали формат едких памфлетов и эпиграмм. Содержание их не ориентировалось на высокий художественный стиль, а показывало практическую потребность отрицания религиозных норм в повседневной жизни. Приведем пример подобного опуса неизвестного автора, опубликованного в местной прессе:

Из «пасхального кондака».
Куличи пекли в ненастье.
Пасха — лишь попам на счастье.
Пасха — радость бабам-дурам.
Пасха — на смерть яйцам, курам.
Пасха — в прибыль «самогнаю».
А на что еще — не знаю [7, с. 1].

Внешнее проявление советской антирелигиозности началось с изменений праздничной модели общественной жизни. В дореволюционное время ее основу составляли религиозные даты. Теперь им на смену приходят советские праздники, ставшие важнейшим идеологическим инструментом нового режима, в том числе и в религиозном вопросе. Среди праздничных дат особое значение приобретают — День памяти жертв «Кровавого воскресенья» — 9 января; начало Февральской революции — 12 марта, День памяти Парижской Коммуны — 18 марта; День Интернационала — 1 мая; День Пролетарской революции — 7 ноября [8, с. 390-391]. Первые советские праздники поначалу воспринимались как альтернатива значимых религиозных календарных дат. К нерабочим дням согласно официальным постановлениям Совета народных комиссаров, первоначально относились лишь десять дней православных праздников [9, л. 23]. Общее количество праздничных дней по сравнению с дореволюционным периодом сократилось в полтора раза. Это вызывало недовольство у большей части населения, что, впрочем, не стало поводом для открытой критики официальной власти.

Праздники первых советских лет носили антиклерикальную и антирелигиозную направлен-

ность. Критике подвергалось как православие, так и ислам. Протестантским течениям (евангельские христиане, конгрегационалисты, баптисты) уделялось не столь значительное внимание. В основном критика в их адрес носила «иронический характер», высмеивалась особая система обрядов и песнопений [10, с. 2]. Конфликт интересов возникал тогда, когда религиозные праздники совпадали по датам с официальными советскими [11, с. 4].

Продажа спиртных напитков, запрещалась в дни праздников, в том числе и религиозных. Наверняка данное постановление не выполнялось неукоснительно. Однако, официальная пропаганда выставляла пьяными гуляниями «...с песнями и гармошками» именно религиозные празднества [12, с. 2]. Советская молодежь, воспитывавшаяся в атеистической традиции, практиковала проведение антирелигиозных мероприятий в дни религиозных торжеств. Особой популярностью пользовалась, так называемая, «комсомольская пасха», сопровождавшаяся театральными постановками антиклерикального содержания, балами-маскарадами, музыкальными номерами [13, с. 4].

В первой половине 1920-х годов антирелигиозная критика не привела к сокращению общего числа религиозных праздничных дней. Однако, произошло перераспределение этих дней от православных в пользу мусульманских праздников. Официально в Кустанайской губернии на 1924 год были утверждены следующие религиозные праздники:

- Православные — Благовещение, Пасха, Вознесение, Преображение, Рождество;
- Мусульманские — Ураза, Курбан-байрам и Мавлюд-байрам [14, с. 4].

Переход от юлианского к григорианскому календарю и образовавшиеся разночтения в религиозном и светском календарях вносили путаницу в определение точных дат праздничных дней [15, с. 1]. В конце десятилетия, зафиксированные в официальных адрес-календарях, религиозные праздники как выходные и вовсе сократились до 7. В протоколе заседания президиума Кустанайского окрпрофсовета от 9 декабря 1927 года на 1928 год сообщается, что из православных праздников выходными остались только два дня — Пасха и Рождество, из мусульманских четыре дня: Курбан-айт и Рамазан-айт (по два дня каждый). Среди мусульманских праздников фигурирует Науруд (Наурыз), что объяснялось особыми местными «...религиозными бытовыми условиями» [16, л. 72]. Новый год к 1922 году приобрел статус праздничного выходного дня, однако, не выдержав конкуренции с Рождеством, он уже к

1928 году выпадает из числа «особых дней отдыха» [17, с. 2].

В целом можно заметить стойкую тенденцию первых советских лет к сокращению выходных дней, приходящихся на религиозные праздники. Особо хочется отметить, более лояльное отношение Советской власти к исламу по сравнению с православием, что объяснялось реализацией национальной политики большевиков, в которой мусульманский вопрос стал важнейшим фактором пропаганды советской власти среди местного населения.

Социально-политические проявления атеизации в Кустанайском регионе

Период «условных» компромиссов в отношениях с религиозными структурами с началом массового голода сменился административным и идеологическим давлением. Силовое решение религиозного вопроса проводилось через реквизицию церковных ценностей и дискредитацию служителей культа как «чуждого социального элемента». Это практически исключало участие религиозных структур в поддержке голодающего населения.

Одним из примеров антиклерикальной риторики официальных властей стало привлечение «служителей культа» к работе иностранных благотворительных организаций, обеспечивающих продовольственную поддержку пострадавшим от голода начала 1920-х годов. Наиболее активно проявляла себя на территории Кустанайской губернии АРА — Американская администрация помощи (ARA, American Relief Administration). Известно, что при организации столовых АРА создавались специальные общественные комитеты, в которых, наряду с местной интеллигенцией обязательно должны были присутствовать представители местного духовенства [18, с. 33]. Деятельность членов этих комитетов носила добровольный характер и никак не оплачивалась. В прессе же факты участия священников в организации благотворительных столовых воспринимались исключительно с «меркантильных позиций». Заметка под едким названием «Остался в барышах» местной газеты сообщала о председателе комиссии АРА поселка Васильевского Алексеевской волости диаконе местной церкви следующее: «В его ведении находились все продукты, отпускаемые для питания, и всевозможных видов тара. Оставшаяся тара: мешки, бочонки и другие предметы тары в изрядном количестве до сего времени находятся в диаконовском распоряжении и это всему поселку известно» [19, с. 2]. Далее следует требование разобраться по «выявленному

факту хищений» в компетентных органах. Такой, формат открытых и ничем не обоснованных обвинений в адрес духовенства становится обычной практикой.

Другой стороной критики кустанайского духовенства становится их «вероятная» связь с белым движением. Для местного населения большим вопросом оставалась тема массовых расправ над участниками «Жиляевского восстания». В глазах простых обывателей любой священник воспринимался как «духовный слуга» Колчака [20, с. 2]. Истерия подогревалась и новыми форматами антирелигиозной пропаганды, в формате диспутов, театральных постановок и даже показательных судебных процессов, весьма напоминающих нынешние низкосортные «реалити-шоу». На одном из подобных агитационных представлений в клубе имени Урицкого города Кустаная, организованном политработниками местных частей особого назначения в январе 1923 года, «некоего священника» обвиняли «...в контрреволюционном заговоре, в выдаче в дни колчаковщины 5 коммунистов и их расстреле, в сопротивлении изъятию церковных ценностей и убийстве двух красноармейцев при изъятии» [21, с. 3]. Приговор по итогам столь пафосного представления — «расстрелять» — вызвал безусловную поддержку и бурю оваций. Эффект подобной пропаганды в молодежной среде был очевиден. Атеизация «прочно и надолго» вошла в жизнь простого человека.

В ответ на требования времени часть духовенства начала прямой диалог с органами советской власти. Появилась обновленческая организация «Живая церковь». Она в начале 1920-х годов попыталась воспринять и разделить советские идеологические установки. Но новая власть не стремилась к компромиссу с церковью. Позиция советского руководства отражалась в печатных органах в формате журналистских клише и насмешек.

Вот как местная пресса прошла по состоявшемуся весной 1922 года «обновленческому собранию» кустанайских православных иерархов: «Духовенство по своему тупоумию, попросту говоря, проворонило момент и очень поздно хватилось менять свои вехи... Попы хотят приспособиться и к власти трудящихся, лишь бы не братья самим за труд, а жить за счет трудящихся, они маскируются и только. ...Сколько-бы попы не меняли свои вехи — они будут вехами религиозного дурмана...» [22, с. 3]. Комментарии излишни... И хотя диалог между священнослужителями и чиновниками в экономической, общественной и культурной жизни города сохранялся (допустим, местных монашек привлекали к оформлению те-

атральных постановок и даже намеревались приглашать в качестве работниц на местную ткацкую фабрику «Красный ткач»), тенденция дальнейшего обострения борьбы с «религиозными предрасудками» проявлялась с катастрофической быстротой.

Процесс атеизации населения подкреплялся изданием антирелигиозной литературы и цензурными чистками местных библиотечных фондов «от поповско-царской чуши», о чем регулярно сообщалось в официальных отчетах и сводках периодической печати [23, с. 3].

Антирелигиозная пропаганда стала одним из важнейших направлений реформированной системы образования. Переход к «светскости» давался с большим трудом. Губернский отдел народного образования с завидной регулярностью сообщал об обнаружении частных школ «...где детям муллы морочили головы исключительно «законом божьим» (кораном)» [24, с. 3]. Декреты новой власти запрещали религиозную пропаганду в школьной среде. Нарушавших постановления подвергали административному и судебному преследованию. Однако, в силу отсутствия достаточного количества учителей многие жители нашего региона продолжали получать образование в религиозных учебных заведениях.

Начало антирелигиозного похода на ислам

Еще одним мотивированным проявлением антиклерикальности стало условное идеологическое противопоставление ислама и христианства. Местная пресса регулярно делала «информационные вбросы» по этому поводу: «Почему так много внимания уделяется газетами борьбе с религиозным дурманом православной веры и почти ничего не пишется о магометанской религии...» [25, с. 2].

Относительно гибкое отношение ранней советской власти к исламу, могло объясняться желанием распространить идеи равенства в рамках особого национального подхода, которое неминуемо должно было перерасти в «мировой революционный поток» и ускорить приход социалистической идеологии во всей «мусульманской Азии» [26, с. 462]. Отнюдь не случайно, что менее чем через месяц после октябрьского переворота, в ноябре 1917 года правительство большевиков обратилось с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», сделав на них первоначальную ставку в переустройстве значительной части страны. Правда условная «веротерпимость» продолжалась недолго, со второй половины 1920-х годов «воинствующий атеизм» начал решительную борьбу с любыми проявлениями религиозности [27, с. 71—73].

К антирелигиозной агитации среди мусульманского населения привлекалась наиболее образованная часть местной советской бюрократии. Среди них — Б. Майлин, М. Сералин, В. Забиров, А. Иралин. Для борьбы с религиозной догматикой ислама при губернском агитационном отделе создавалась специальная комиссия, председателем которой назначили Абдибека Иралина — молодого (родился в 1902 году) и, судя по всему, талантливого и амбициозного бюрократа. Правда, практическая работа комиссии, по заверениям местной прессы, постоянно задерживалась. Об истинных причинах говорить сложно, из объяснений — «болезнь председателя» [28, с. 3].

Механизм подобной пропаганды, по всей вероятности, проходил негативным образом по авторитету этих людей, вынужденных отступать от своих взглядов и даже поступаться принципами.

Приведем пример выдающегося казахского поэта, публициста, писателя и общественного деятеля Мухамеджана Сералина (1872—1929 гг.). Сторонник идей социального равенства и просвещения народа он, уже будучи весьма зрелым человеком, осознанно принимает советскую власть. Инициатор идей национальной автономии, Сералин в начале 1920-х годов займет должность заместителя председателя Кустанайского губисполкома. Удивительным остается тот факт, что дальнейшее его продвижение по служебной и партийной линии, скорее всего, задерживалось по идейным соображениям, не допустимым в новых политических обстоятельствах. Дело в том, что в своих анкетных данных Мухамеджан Сералин утверждал, что продолжает верить «... в существование Бога». Уличенному «в религиозных убеждениях» деятелю неоднократно отказывали в приеме в члены ВКП (б) и продлевали «кандидатский стаж» с рекомендацией усвоения основ марксистской идеологии [29, с. 42]. Впрочем, внутренняя религиозность, не освобождала его от активного участия в атеистической пропаганде. В заметке местной газеты «Поход на Магомета

начался удачно» от 15 мая 1923 года сообщается, на массовом митинге ко дню Интернационала Мухамеджан Сералин разъяснял «... истинное значение текущего поста мусульман и вообще о значении религии» [30, с. 2]. О частоте проведения подобных собраний говорить не приходится, тем более что в этот период Сералин в качестве ответственного редактора подготавливал выход первого кустанайского издания газеты на казахском языке «Аул», значительная часть содержания которого была посвящена антиклерикальной теме.

Заключение

Уже в середине 1920-х годов наметился постепенный переход от теоретических споров к практическому уничтожению «церковных ценностей» — снятию колоколов, сносу храмов, переводу культовых сооружений в гражданское пользование. Далее этот процесс будет сопровождаться и физическим устранением духовенства как «чуждого классового элемента». Такая политика советской власти объясняется ее стремлением воспитать нового человека, имеющего материалистическое мировоззрение.

Религиозное сознание отрицает возможность построения «рая» на Земле, коммунизм же большими массами людей воспринимался в 1920-е годы именно как «земной рай». Это породило сомнения в массовом сознании в возможности его реализации. Методы пропаганды, особенно в условиях ужесточения советского режима (коллективизация, индустриализация) не были особенно эффективны в противостоянии религии. Довольно большая часть населения продолжала искать в ней утешение. Поэтому политика Советской власти по отношению к церкви эволюционировала от антирелигиозной пропаганды к репрессивным мерам против духовенства и верующих. В целом поставленной цели коммунисты смогли достичь, большинство населения в позднем Советском Союзе составляли атеисты или люди, индифферентные к религии.

Список источников

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. М. : Политиздат, 1955. 794 с.
2. Фейербах Л. Сущность христианства // Л. Фейербах. Избранные произведения. Т. 2. М. : Политиздат, 1955. 943 с.
3. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Л. Фейербах. Избранные произведения. Т. 2. М. : Политиздат, 1955. 943 с.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/philosophy_right/01.htm (дата обращения: 14.10.2022).
5. Ленин В. И. Социализм и религия. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC_%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F_\(%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC_%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F_(%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD)) (дата обращения: 14.10.2022).

6. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. URL: <http://libelli.ru/works/17-3.htm> (дата обращения: 14.10.2022).
7. Красная степь. 1924. № 44 (641). 24 апр.
8. Самаркин С. В. Кустанай — губернский центр // Кустанай-Костанай: очерки истории. С древнейших времен до 1936 года / под ред. И. К. Тернового. Костанай : Костанайполиграфия, 2012. 608 с.
9. ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. 8-П. Оп. 1а. Д. 38.
10. Поход на Магомета начался удачно // Красная Степь. 1923. № 50 (367). 15 мая.
11. Официальный отдел. Обязательное постановление №12 Кустанайского Губернского Исполнительного Комитета (22 марта 1923 года) // Степная заря. 1923. № 33 (350). 29 марта.
12. Зеленый змей. Престольники // Степная заря. 1922. № 118 (176). 23 нояб.
13. Пасха у комсомольцев // Степная заря. 1923. №33 (350). 29 марта
14. Особые десять дней отдыха // Красная степь. 1924. №7 (604). 17 янв.
15. Хома Поворознюк. Самый правильный «календарь» // Красная степь. 1924. № 44 (641). 24 апр.
16. ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. 14. Оп. 1. Д. 53.
17. Жизнь Красной армии // Степная заря. 1923. №4 (321). 11 янв.
18. Усманов Н. В. Миссия полковника Белла: О деятельности Уфимско-Уральского отделения Американо-Канской администрации помощи (1921-1923 гг.). Бирск : Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2007. 144 с.
19. Васильевский. Остался в барышах // Степная заря. 1922. № 115 (173). 16 нояб.
20. Трое. Теплая компания // Степная заря. 1922. № 121 (179). 30 нояб.
21. Тошев. Полит-суд // Степная заря. 1923. № 10 (327). 27 янв.
22. Крестьянин. «Смена вех» не поможет // Красная Степь. 1923. № 51 (368). 19 мая.
23. Скверна еще осталась // Степная заря. 1923. №120 (178). 28 нояб.; Романов Н. Мусор — на свалку, а не в голову детей // Красная Степь. 1923. № 64 (381). 23 июня.
24. Закрытие частных школ // Степная заря. 1923. № 18 (335). 17 февр.
25. Анафема. Все религии ложь // Степная заря. 1923. № 37 (354). 12 апр.
26. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / пер. с англ. В. Ю. Шаршуковой. М. : Эксмо, 2019. 864 с.
27. Государство и российские мусульмане. Сотрудничество во благо России / сост. И. И. Аносов. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2020. 119 с.
28. В поход на Магомета // Степная заря. 1923. № 43 (360). 26 апр.
29. Духин Я. К., Мухамбетова Д. В. Газета «Аул»: начало пути // Вестник Костанайского государственного педагогического института. 2012. № 2. С. 37—45.
30. Поход на Магомета начался удачно // Красная степь. 1923. № 50 (367). 15 мая.

References

1. Marks K. Kapital [Capital]. Vol. 1. Moscow: Politizdat; 1955. 794 p. (In Russ.).
2. Feuerbach L. Sushhnost' hristianstva [The essence of Christianity]. In: Selected works. Vol. 2. Moscow: Politizdat; 1955. 943 p. (In Russ.).
3. Feuerbach L. Lekcii o sushhnosti religii [Lectures on the essence of religion]. In: Selected works. Vol. 2. Moscow: Politizdat; 1955. 943 p. (In Russ.).
4. Marx K. K kritike gegelevskoj filosofii prava [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. Available from: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/philosophy_right/01.htm (accessed 14.10.2022). (In Russ.).
5. Lenin VI. Socializm i religija [Socialism and Religion]. (In Russ.).
6. Lenin VI. Ob otnoshenii rabochej partii k religii [On the attitude of the workers' party towards religion]. Available from: <http://libelli.ru/works/17-3.htm> (accessed 14.10.2022). (In Russ.).
7. *Red steppe*. 1924:44(641).4 (In Russ.).
8. Samarkin SV. Kustanaj — gubernskij centr // Kustanaj-Kostanaj: ocherki istorii. S drevnejshih времен do 1936 goda [Kustanai — the provincial center.] In: Kustanai—Kostanay: essays on history. From ancient times to 1936. Kostanay: Kostanaypoligrafiya; 2012. 608 p. (In Russ.).
9. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kostanajskoj oblasti) [SAKR (State archive of Kostanay region)]. F. 8-P. Op. 1a. D. 38 (In Russ.).
10. Pohod na Magometa nachalsja udachno [The campaign against Mohammed began successfully]. *Red Steppe*. 1923;50(367). (In Russ.).
11. Oficial'nyj otdel. Objazatel'noe postanovlenie №12 Kustanajskogo Gubernskogo Ispolnitel'nogo Komiteta (22 marta 1923 goda) [Official department]. Mandatory Decree No. 12 of the Kustanai Provincial Executive Committee (March 22, 1923). *Steppe Dawn*. 1923;33(350). (In Russ.).

12. Zelenyj zmij. Prestol'niki [Green serpent. Prelates]. *Steppe dawn*. 1922; 118(176). (In Russ.).
13. Pasha u komsomol'cev [Easter at the Komsomol]. *Steppe Dawn*. 1923;33(350). (In Russ.).
14. Osobyje desjat' dnej otdyha [Special ten days of rest]. *Red steppe*. 1924;7(604). (In Russ.).
15. Homa Povoroznjuk. Samyj pravil'nyj «kalendar'» [Homa Povoroznyuk]. The most correct “calendar”. *Red steppe*. 1924;44(641). (In Russ.).
16. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kostanajskoj oblasti) [SAKR (State archive of Kostanay region)]. F. 14. Op. 1. D. 53 (In Russ.).
17. [Life of the Red Army]. *Steppe Dawn*. 1923;4(321). (In Russ.).
18. Usmanov NV. Missija polkovnika Bella: O dejatel'nosti Ufimsko-Ural'skogo otdelenija Amerikanskoj administracii pomoshhi (1921—1923 gg.). [Colonel Bell's mission: On the activities of the Ufa — Ural branch of the American Relief Administration (1921—1923)]. Birsk: Birsk state social-pedagogical academy; 2007. 144 p. (In Russ.).
19. Vasil'evskij. Ostalsja v baryshah [Vasilievsky. Remained in profit]. *Steppe dawn*. 1922;115(173). (In Russ.).
20. Zhizn' Krasnoj armii [Three. Warm company.] *Steppe dawn*. 1922;121(179). (In Russ.).
21. Toshhev. Polit-sud [Toshchev. Polit-court]. *Steppe dawn*. 1923;10(327). (In Russ.).
22. Krest'janin. «Smena veh» ne pomozhet [Peasant. “Change of milestones” will not help]. *Krasnaya Step*. 1923;51(368). (In Russ.).
23. Skverna eshhe ostalas' [The filth still remains]. *Steppe dawn*. 1923;120(178); Romanov N. Garbage — to the landfill, not in the head of children. *Krasnaya Steppe*. 1923;64(381). (In Russ.).
24. Zakrytie chastnyh shkol [Closing of private schools]. *Steppe dawn*. 1923;18(335). (In Russ.).
25. Anafema. Vse religii lozh' [Anathema. All religions are lies]. *Steppe dawn*. 1923;37(354). (In Russ.).
26. Frankopan P. Shelkovyj put'. Doroga tkanej, rabov, idej i religij [Silk Road. Road of fabrics, slaves, ideas and religions]. Moscow: Eksmo; 2019. 864 p. (In Russ.).
27. Gosudarstvo i rossijskie musul'mane. Sotrudnichestvo vo blago Rossii [State and Russian Muslims. Cooperation for the benefit of Russia]. Chelyabinsk: Publishing house of CSU; 2020. 119 p. (In Russ.).
28. V pohod na Magometa [On a campaign against Mohammed]. *Steppe dawn*. 1923;43(360). (In Russ.).
29. Duhin YaK, Mukhambetova DV. Gazeta «Aul»: nachalo puti / [Newspaper “Aul”: the beginning of the journey]. *Bulletin of the Kostanay State Pedagogical Institute*. 2012;(2):37-45 (In Russ.).
30. Pohod na Magometa nachalsja udachno [The campaign against Mohammed began successfully]. *Red Steppe*. 1923;50(367). (In Russ.).

Информация об авторах

С. В. Самаркин — кандидат исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, член научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана Кустанайской области.

А. В. Видершпан — кандидат философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Information about the authors

Samarkin S.V. — Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences, Member of the Scientific and Expert Group of the Assembly of the People of Kazakhstan of the Kostanay Region.

Vidershpán A.V. — Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.